

Рецепция статуса украинского языка в российском языкознании: миф и реальность

TATJANA ANATOLJEVNA KOSMEDA

Университет им. Адама Мицкевича в Познани, *Wieniawskiego 1,*
PL – 61-712 Poznań, tkosmeda@gmail.com

————— 1.01 Izvirni znanstveni članek – 1.01 Original Scientific Article —————

Raziskave nekaterih sodobnih ruskih jezikoslovcev (npr. A. Kachmantova, N. Nikolina) spodbujajo idejo o neobstoju ukrajinščine kot enega od jezikov, ki spada v skupino vzhodnoslovanskih jezikov. Ti raziskovalci menijo, da je skupina vzhodnoslovanskih jezikov sestavljena le iz ruskega jezika in njegovih štirih različic: velikoruske (glavna narečja: severnorusko, južnorusko in zahodnorusko), beloruske (glavna narečja: severovzhodno, jugozahodno, polesko), rdečoruske (glavna narečja: galicijsko, karpatsko, bukovinsko) in t. i. maloruske variante s svojimi tremi glavnimi narečji: srednjedneprsko, slobožansko in stepsko. Ta ideja predpostavlja, da ukrajinski jezik, podoben beloruskemu, nima statusa neodvisnega jezika, kar pa ne drži.

The research of some of the modern Russian linguists (e.g. A. Kachmantova, N. Nikolina) promotes the idea of the non-existence of Ukrainian as one of the languages belonging to the group of East Slavic languages. These scholars believe that the group of East Slavic languages is composed of only the Russian language and its four variants: *Greater Russian* (main dialects: northern Russian, southern Russian and western Russian), *Belarusian* (main dialects: north-eastern, south-western, Polesky), *Red Russian* (main dialects: Galician, Carpathian, Bukovyna), as well as the so-called *Smaller Russian* variant with its three main dialects – the Middle Dnieper, Slobozhany and Steppe. This suggestion implies that the Ukrainian language, similar to Belarusian, does not hold the status of an independent language, which is not true.

Ključne besede: slovanski jeziki v vzhodnoslovanski skupini, narečje, varianta, status ukrajinskega jezika

Key words: Slavic languages in the East Slavic group, dialect, variant, status of the Ukrainian language

0 Введение

XXI век демонстрирует не только прогресс в науке, но и обратные процессы. В современной науке наблюдается становление так называемой *ложной лингвистики* и *квазиистории* (См. Ложная лингвистика...) (шире – квазинауки). В частности российский лингвист Андрей Зализняк утверждает, что

квазинаука отвергает проверенный инструментарий и пользуется демагогическими приемами, которые ориентированы на некритическое восприятие. Так, можно заявить, что Ивана Грозного не было, вместо него жили четыре разных человека, одного из которых звали Василий Блаженный (он был царем уже хотя бы потому, что имя его переводится с греческого как “царь”)... (См. Ложная лингвистика...).

Названный ученый подчеркивает, что

квазиистория в качестве доказательной базы привлекает лингвистический материал. Но это не профессиональная, а любительская лингвистика. Метод ее – сравнивать слова на предмет внешнего сходства и делать на этой основе выводы об их происхождении. Например, счастье связано со “щас”, то есть это немедленное, сейчас получаемое удовольствие (См. Ложная лингвистика...).

Ориентируясь на этот метод, как справедливо утверждает А. Зализняк, можно пойти до абсурда, ср.: Услышав сходство в звучании слов разных языков, например: “boy” = “бой”, “wall” = “вол”, предположить, что английский язык произошел из русского. И так – со всеми языками. Египетские иероглифы – прочесть как русский текст. Установить, что 200 тысяч лет назад русские заселили Северную Америку. Что кроманьонцы были русскими. Что человек произошел от русского. И что, наконец, Землю заселили инопланетяне, первые носители русского языка (См. Ложная лингвистика...).

Если постулаты “любительской лингвистики” размещаются в Интернете, то над ними можно посмеяться, но когда псевдонаучные факты становятся материалом учебных пособий, переиздаваемых в XXI веке более десяти раз, это, как представляется, недопустимо и требует жесткой критики. И она, к счастью, появляется, однако квазинаучная информация, имеющая место в учебниках, не меняется. Речь идет об учебном пособии *Введение в языкознание*, авторами которого являются Александр Камчатнов и Наталья Николина. Михаил Правдин опубликовал рецензию на это учебное пособие, в которой сетует, что «в условиях “свободы слова” учебные пособия уже не требуют ни научного рецензирования, ни даже редактуры!» (Правдин 2013: 58). Второе, что удивляет рецензента, – это попытка построить учебный курс *Введения в языкознание* на основе религиозного комплекса идей, соединив концепции Вильгельма фон Гумбольдта и Александра Потебни с концепциями русских религиозных философов, отцов церкви – Петра Флоренского, Сергея Булгакова и Алексея Лосева. М. Правдин считает, что трактовать язык с религиозной позиции в учебном пособии не совсем правильно и корректно. Согласимся в этом с ученым.

1 Плюрализм мнений в интерпретации статуса украинского языка: традиция и современность

Однако в нашем научном разыскании рассмотрим другую проблему – специфику интерпретации статуса украинского языка, представленную в вышеназванном современном учебном пособии и сравним эту трактовку с мнением классиков русской лингвистики, в том числе и авторов учебных пособий по языкознанию, изданных ранее. Обнаруживаем полное несовпадение

подходов. Так, А. Камчатнов и Н. Николина отрицают существование украинского языка как самостоятельного языка восточнославянской группы славянских языков. По мнению этих ученых,

к восточнославянской группе языков относится русский язык с четырьмя наречиями: 1) великорусским (основные диалекты: северновеликорусский, южновеликорусский, западновеликорусский), 2) малорусским (основные диалекты – средненадднепровский, слобожанский и степной), 3) белорусским (основные диалекты: северо-восточный, юго-западный, полесский), 4) червоннорусский (основные диалекты: галицкий, карпатский, буковинский) (Камчатнов, Николина 2018: 199).

Украинский язык в соответствии с представленной концепцией, как видим, не обладает статусом самостоятельного языка, как и язык белорусский. Единственным восточнославянским языком считается русский. А. Камчатнов и Н. Николина ссылаются на мнения Бориса Ляпунова (Ляпунов 1998) и Тимофея Флоринского (Флоринский 1900). Но даже в Википедии приводятся воспоминания отца церкви, философа Василия Зеньковского (Зеньковский 2014), осуждавшего Т. Флоринского за его антиукраинские настроения и антинаучные взгляды, ср.:

Припомним, однако, ту жестокою борьбу, которую вел покойный проф. Тимофей Дмитриевич Флоринский (мой коллега в Киевском университете) за то, чтобы признать украинский язык не особым языком, а особым “наречием”, что филологически, конечно, стоит рангом ниже. [...] Но из филологической сферы этот спор – ещё до революции [в 1900-х гг.] – был перенесен в область политики: защитники учения о “наречии” стояли за неотделимость Украины от России не только в политической, но и культурной сфере, отвергали самый термин “Украина”, “украинский” – заменяя его “Малороссия”, “малорусский”. Официальная точка зрения на “малорусский” вопрос опиралась на всю эту аргументацию Флоринского и его сподвижников, проводя, по существу, начала русификации. Только, если Флоринский и его группа оправдывали всю систему цензурных насилий, которыми пользовалась тогда власть в Юго-Западном крае, то были и такие “антиукраинцы” (напр. П. С. Струве, проф. Леон. Н. Яснопольский), которые не мирились с этой системой цензурных насилий как по общим основаниям либерализма, так особенно по тому, что эти насилия лишь усиливали, как всегда, украинское движение, облекая его венцом мученичества. Общая позиция заключалась здесь в тайном или прикромом отвержении самого понятия “украинской культуры”, дозвоительными формами считалась лишь песня, художественный узор да ещё кулинария (Флоринский 1900).

Однако почему А. Камчатнов и Н. Николина не считали возможным опираться на труды известных русских ученых, считавших украинский язык самостоятельным языком, среди которых, например, Алексей Шахматов и Владимир Даль? Учитель гениального Александра Потебни Петр Лавровский в XIX веке выделяет языковые особенности, характерные исключительно для украинского языка и являющиеся чуждыми древнему русскому языку. Среди них: 1) потеря различия между *ы* и *и*, 2) частое употребление *у* вместо *ль*, 3) всеобщее произношение *ъ* как *и*, изменение *о* в *и*, 4) потеря окончания *ть* в третьем лице единственного числа настоящего времени, 5) смещение *у* и *в* (*вже* = *уже*, *улизь* = *вльзь*). Эти черты определяют аутентичность происхождения украинского языка. Наиболее четко они

стали проявляться с конца XIV столетия. Указав на отсутствие тождества в фонетике и грамматике украинского и русского языков, П. Лавровский убедительно доказал самостоятельность украинского языка (См.: Лавровский 1852: 12).

В советских учебниках по языкознанию отражалась устоявшаяся в языкознании точка зрения на самостоятельный статус украинского языка, о чем писал и Виктор Виноградов, и его последователи.

К лингвистической классике сегодня относим учебник Александра Реформатского *Введение в языковедение*, в котором представлена традиционная (господствующая в лингвистике) точка зрения на статус украинского языка в системе языков восточнославянской группы, не подвергавшаяся никаким сомнениям в мировом языкознании XX века, ср.:

А. Восточная подгруппа.

1) Русский; наречия: северо(велико)русское – “окающее” и южно(велико)русское – “акающее”; русский литературный язык сложился на почве переходных говоров Москвы и ее окрестностей, куда с юга и юго-востока тульские, курские, орловские и рязанские диалекты распространили черты, чуждые северным говорам, бывшим диалектной основой московского говора, и вытеснившие некоторые особенности последних, а также путем усвоения элементов церковнославянского литературного языка; кроме того, в русский литературный язык в XVI–XVIII вв. вошли различные иноязычные элементы; письменность на основе русского алфавита, переработанного из славянского – “кириллицы” при Петре Первом; древнейшие памятники XI в. (они же относятся и к языкам украинскому и белорусскому); государственный язык Российской Федерации, межнациональный язык для общения народов Российской Федерации и сопредельных территорий бывшего СССР, один из мировых языков.

2) Украинский (или украинский); до революции 1917 г. – малорусский или малороссийский; три основные наречия: северное, юго-восточное, юго-западное; литературный язык начинает складываться с XIV в., современный литературный язык существует с конца XVIII в. На базе Поднепровских говоров юго-восточного наречия; письменность на основе кириллицы в ее послепетровской разновидности.

3) Белорусский; письменность с XIV в. на основе кириллицы. Диалекты: северо-восточный и юго-западный; литературный язык – на основе среднебелорусских говоров (Реформаторский 1996: 414–415).

К восточнославянской группе традиционно относят русский, украинский и белорусский языки такие авторы учебников *Введение в языкознание*, как, например, Борис Головин (Головин 1977: 252), Виталий Кодухов (Кодухов 1987: 268), автор учебника *Славянские языки* Николай Кондрашов (Кондрашов 1986) и др. Олег Широков более детально рассматривает генеалогическую классификацию славянских языков, не отступая от официально принятой точки зрения, он отмечает, что

восточнорусский (великорусский) диалектный континуум, исконные области которого расположены в основном в средней части Восточно-Европейской равнины, не представляет и никогда не представлял собой замкнутой системы, наречия, диалекты и говоры возникали и изменялись в условиях органического взаимодействия не только друг с другом, но и с диалектами соседних близкородственных языков: украинского (“малорусские” диалекты) и белорусского (западнорусские диалекты) (Широков 1985: 111–117).

Согласимся с Евгением Поливановым, прозорливо рекомендовавшим не злоупотреблять языковой политикой¹ и не смешивать ее с историческим языкознанием («это вещи совсем разные» (Поливанов 1965: 320)). Он также отмечал самостоятельность близкородственных русского, украинского и белорусского языков, основываясь на фактах сравнительно-исторического языкознания.

Еще более ста лет тому назад в работе *Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка* А. Шахматов аргументированно и безапелляционно обосновал точку зрения о статусе украинского языка. Популярными и известными в лингвистике являются высказывания ученого, например:

...мы должны отвергнуть самым решительным образом мысль о том, что Киевщина была в древности населена не предками современных малорусов, а предками современных представителей других русских народностей. Искать в X–XI вв. у Днепра великорусов представляется совершенно бесполезным, ибо великорусская народность происхождения нового... (Шахматов 1916: 688).

Известно, что А. Шахматов выступил с критикой теории Алексея Соболевского и Михаила Погодина, которые утверждали, что исконным населением Киевщины были великорусы, а украинцы первоначально заселяли Галицию и Волынь. А. Шахматов описал основные черты украинского языка, отличающие его от языка русского, и тем самым, как и П. Лавровский, отстаивал статус украинского языка как самостоятельного.

2 Концепция существования славянских микроязыков

Интересно, что современные русисты отстаивают концепцию существования микроязыков, к ним в частности относят и карпатскорусинский, территорией распространения которого считают Западную Украину, Восточную Словакию, Польшу, Румынию, США и Канаду (См. об этом: *Славянская микрофилология* 2018). В соответствии с концепцией Александра Дуличенко, сегодня следует выделять 20 славянских микроязыков. А украинский язык следует квалифицировать как “большой” славянский литературный язык с длительной историей существования (см. Дуличенко 2018: 7). А. Дуличенко подчеркивает, что

наблюдается функционирование не только литературных микроязыков с длительной письменной традицией, но и возникших недавно. Мы являемся свидетелями начальных ростков литературно-языковых образований, которым в будущем суждено стать литературными микроязыками. Это также значит, что усиливается связь с малой родиной и как-то удовлетворяется ностальгия нынешнего поколения по языку своих предков, и т. д. (Дуличенко 2018: 8).

¹ *Примечание.* Вопросам, связанным с языковой политикой некоторых славянских государств, языковой политикой Евросоюза в целом, посвящены некоторые статьи журнала *Slavia Centralis* (см.: Bańcerowski 2009; Kapović 2011; Komac 2018; Hojnik 2018; Steciąg 2019).

Очевидно, прав Джон Данн (Dunn 2018), утверждающий, что

фактическое появление новых языков происходит, когда в силу разных социальных, политических или культурных сдвигов формы, которые раньше признавались составляющими элементами одного языка (например, региональные или социальные варианты, диалекты), приобретают статус отдельных языков. Из только что сказанного следует, что этот новый статус присваивается необязательно (или, может быть, вообще не) по лингвистическим критериям, а скорее с учетом экстралингвистических факторов. Право присвоения статуса отдельного языка фактически принадлежит различным политическим, социальным или культурным структурам, считающимся или считающим себя компетентными в этом вопросе (Dunn 2018: 19).

Польский лингвист Януш Баньчеровский выражает беспокойство, смогут ли микроязыки не только устоять в условиях интеграции и глобализации, но и сохранить свою самобытность при огромной конкуренции, «условия которой диктуют мировые языки» (Bańczerowski 2009: 13), или же эти языки будут подвержены деградации и потеряют свои функции, ибо «конкуренция предполагает наличие победителей и побежденных» (Bańczerowski 2009: 14), но прогноз ученого оптимистичен, ибо он считает, что необходимо сохранить многоязычие славянского мира и его поликультурность.

3 “Причудливое смешение” лингвистики с политикой, или расширение проблематики лингвоконфликтологии

Как представляется, А. Камчатнов и Н. Николина, заявляя, что украинский язык лишь диалект русского языка, пользовались не лингвистическими критериями, а критериями исключительно политическими.

Отметим также, что статус украинского языка обсуждается сегодня на различных российских научных форумах. Так, например, в марте 2008 года на филологическом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова прошел круглый стол в рамках рабочего совещания “Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии”. Опубликованы скрипты дискуссий (стенограмма), где находим высказывания о статусе украинского языка известных современных российских ученых. Ср. мнение Виктории Красных:

Возьмите украинский язык. Ведь современный украинский язык – это искусственный язык... по большому счету... (Круглый стол... 2011: 208); Проблема в том, что украинский язык не мог обслужить... вот так же, как чеченский язык... не мог “обслужить” в кавычках те сферы, в которых он раньше не употреблялся... и самими украинцами этот язык воспринимался как абсолютно искусственный (Круглый стол... 2011: 209);

или Ирины Зыковой:

Осознание себя идет через навязывания... говорения как бы на украинском языке, который якобы для них родной, но на самом деле... как бы ложный родной язык (Круглый стол... 2011: 313).

В этом высказывании красноречиво использованы дискурсивные слова (*как бы, якобы*). Подчеркнем однако, что современный национальный украинский

язык, функционирующий в Украине, сегодня полностью удовлетворяет все спектры «номинативных и коммуникативных потребностей общества» (Карпиловская 2014: 18), он обеспечивает своих носителей всем разнообразием «видов и форм своей языковой деятельности» (Карпиловская 2014: 18); к тому же украинский язык открыт к внешнему миру, процессам глобализации, но при этом он сохраняет свое «лицо» (Карпиловская 2014: 19).

Крупный и авторитетный российский лингвист Максим Кронгауз активно изучает проблематику лингвоконфликтологии. Однако своими текстами он провоцирует создание конфликтов, что также связано с его интерпретацией особенностей украинского языка. В книге *Русский язык на грани нервного срыва* исследователь неоднократно касается вопросов, связанных с функционированием украинского языка. Согласимся с М. Кронгаузом: «Когда речь идет о чужих городах да странах, лингвистика причудливо смешивается с политикой, и это придает особый градус обсуждению» (Кронгауз 2011: 206), что прослеживаем и в научных текстах названного автора. Например, профессор Кронгауз удивляется, почему название украинской столицы (укр. *Київ*) в транслитерации должно писаться как *Київ*, а не *Kiev* (русск. *Киев*). Ср. также высказывания ученого по поводу “политического” предлога *в*:

Самый актуальный сегодня лингво-политический вопрос связан даже не с переименованием, а с использованием предлога. Как правильно: *на Украине* или *в Украине*? Ответ простой. Конечно, *на Украине*, если говорить по-русски. И главное это не зависит от политической конъюнктуры. Почему обычно для стран мы используем предлог *в*, а тут – *на*? Это только свидетельствует об особой выделенности (и тем самым – важности) Украины для русского языка (не буду вдаваться в исторические подробности), а не об особом отношении к сегодняшней украинской государственности. Поверьте, ничего личного (Кронгауз 2011: 207–208).

Однако вопрос об употреблении предлога *в* или *на* с названием административно-географической единицы *Украина* решается российскими учеными неоднозначно. Например, авторитетный стилист Дитмар Розенталь в *Справочнике по правописанию и литературной правке* ранее поданную им информацию изменил с учетом новой украинской нормы, ср.: «С административно-географическими наименованиями употребляется предлог *в*, например: *в городе, в районе, в области, в республике, в Сибири, в Беларуси, в Закавказье, в Украине*» (Розенталь 2012: 291).

И Д. Розенталь, и классики украинского языкознания (например, Иван Огиенко, Юрий Шевелев, Леонид Булаховский), и современные украинские ученые (например, Анатолий Загнитко, Иван Слинько, Николай Степаненко) приводят многочисленные употребления конструкций *в Украине*, встречающиеся в русских текстах Александра Пушкина, Николая Гоголя, Льва Толстого, Антона Чехова и др. великих писателей. Виктор Пелевин на своей странице в Фейсбук подчеркнул, что конструкция *на Украине*, которую в российском языкознании пытаются квалифицировать как нормативную и единственно правильную, свидетельствует о «неуважительном отношении российских властей к независимости Украины, до сих пор считающих, что Украина не государство, а территория» (Пелевин 2014).

Николай Степаненко, тщательно изучивший с точки зрения диахронии и синхронии специфику употребления конструкций *на Украине* и *в Украине*, *на Украину* и *в Украину* в украинском и русском языках, сделал такой вывод:

В украинском языке конструкции *в Україні*, *в Україну* вернулись в разряд исконных грамматических форм, к тому же, окрашенных патриотическим содержанием. В русском языке они оказались среди негативно маркированных средств языка, и трактуются как прихоть патриотически настроенных украинских лингвистов (Степаненко 2018: 44).

4 Выводы

Таким образом, можно принять предлагаемый М. Кронгаузом термин “терроризм в области языкознания” (Кронгауз 2011: 211), являющийся непосредственным предметом лингвоконфликтологии, согласиться с А. Зализняком, что в современной науке “процветает” “псевдолингвистика”, наблюдается плюрализм мнений: от признания статуса самостоятельного языка для микроязыков до отрицания статуса самостоятельного для языка с устоявшейся традицией.

Когда украинский язык называют “диалектом русского языка”, “искусственным языком”, “не функционирующим в современной Украине”, “ложным родным языком” и т. д., прослеживаем вопиющие факты неполиткорректности. Такую неполиткорректность допускают и ученые, отмечающие, что «оживление интереса к языку со стороны власти случайностью быть не может» (Кронгауз 2011: 214), однако это осознается лишь тогда, когда речь идет о родном языке.

Украинский язык и факты, связаны с его развитием, можно трактовать как лингвистическую идеологию. Тексты, в которых обсуждаются названные лингво-политические вопросы, – это “политические тексты”, подготовленные “по заказу”.

Учебник А. Камчатнова и Н. Николиной, по которому изучают азы языкознания с начала XXI века и до настоящего времени (учебное пособие переиздается практически каждый год тиражом 3000 экземпляров) не только студенты-филологи вузов России, но и студенты-русисты всего мира, – образец псевдонаучного учебника, не отражающего основных принципов, предьявляемых сегодня к учебным пособиям. Подобные учебники способствуют воспитанию лингвонационализма и шовинизма. Действительно, прослеживаем, мягко говоря, «причудливое смешивание лингвистики и политики», проникшее даже в учебно-дидактическую литературу.

ЛИТЕРАТУРА

- Борис Николаевич ГОЛОВИН, 1977: *Введение в языкознание*. Москва: Высшая школа.
- Александр ДУЛИЧЕНКО, 2018: Славянская микрофилология. *Славянская микрофилология*. Под ред. А. Дуличенко, М. Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. 3–16.

- Василий Васильевич ЗЕНЬКОВСКИЙ, 2014: *Из моей жизни. Воспоминания*. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына.
- Александр Михайлович КАМЧАТНОВ, Наталья Анатольевна НИКОЛИНА, 2018: *Введение в языкознание*. Москва: Флинта; Наука.
- Евгения А. КАРПИЛОВСКАЯ, 2014: Иноязычные ресурсы современного украинского совообразования. *Slavia Centralis* 2/7, 18–29.
- Виталий Иванович КОДУХОВ, 1987: *Введение в языкознание*. Москва: Просвещение.
- Николай Андреевич КОНДРАШОВ, 1986: *Славянские языки*. Москва: Просвещение.
- Максим КРОНГАУЗ, 2008: *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: Языки славянских культур.
- Круглый стол «Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии», 2011. *Русский язык в условиях языковой и культурной полифонии*. Под ред. В. В. Красных. Москва: Изд. центр «Азбуковник». 203–300.
- Петр Алексеевич ЛАВРОВСКИЙ, 1852: *О языке северных Русских летописей*. Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук.
- Ложная лингвистика и квазиистория, 2011: <http://www.lookatme.ru/flow/posts/science-techno/147887-lozhnaya-lingvistika-i-k> (дата доступа: 02.08.2019).
- Борис Михайлович ЛЯПУНОВ, 1998: Единство русского языка в его наречиях. *Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола*. Москва: Москва. 328–346.
- Виктор ПЕЛЕВИН, 2014. *Facebook*. <https://www.facebook.com/plvnyv/posts/637757279629888> (дата доступа: 25.03.2014).
- Евгений Дмитриевич ПОЛИВАНОВ, 1965: Историческое языкознание и языковая политика. *Владимир Андреевич ЗВЕГИНЦЕВ. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Москва: Просвещение. Ч. II. 320–336.
- Михаил Николаевич ПРАВДИН, 2013: Почему крепчает маразм? (Рецензия на учебное пособие «Введение в языкознание» А. М. Камчатнова и Н. А. Николиной. изд. Флинта, изд. Наука, 1999). *Лингвистика и философия*. Киев: Укр. вид-во. 58–62.
- Александр Александрович РЕФОРМАТСКИЙ, 1996: *Введение в языковедение*. Под ред. В. А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс.
- Дитмар Эльяшевич РОЗЕНТАЛЬ, 2012: *Справочник по правописанию и литературной правке*. Под ред. И. Б. Голуб. Москва: Айрис-Пресс.
- Славянская микрофилология*, 2018: Под ред. А. Дуличенко, М. Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University.
- Микола СТЕПАНЕНКО, 2018: Конструкції «в Україні», «на Україні», «в Україну», «на Україну» на тлі питомих ознак української мови: власне лінгвістичний і соціолінгвістичний виміри. *Микола СТЕПАНЕНКО. Из засіву – благословилося: ескізи до вибраного*. Полтава: ПП «Астрая». 32–45.
- Тимофей ФЛОРИНСКИЙ, 1900: *Малорусский язык и «украинско-русский» литературный сепаратизм*. Санкт-Петербург: Типография А. С. Суворина.
- Алексей Александрович ШАХМАТОВ, 1916: Краткий очерк истории малорусского (украинского) языка. *Украинский народ в его прошлом и настоящем: в 2-х томах*. Петербург: Тип. тов-ва «Общественная польза». Т. 2. 680–707.
- Олег Сергеевич ШИРОКОВ, 1985: *Введение в языкознание*. Москва: Изд-во Моск. ун-та.

Janusz BAŃCZEROWSKI, 2009: Sytuacja językowa w Unii Europejskiej. *Slavia Centralis* 2/2, 12–19.

John DUNN, 2018: Славянские языки и процессы языковой фрагментации в современной Европе. *Славянская микрофилология*. Под ред. А. Дуличенко, М. Номати. Sapporo: Slavic-Eurasian Research Center, Hokkaido University. 19–31.

Mate KAPOVIĆ, 2011: Language, Ideology and Politics in Croatia. *Slavia Centralis* 4/2, 45–56.

Nataša Gliha KOMAC, 2018: Jezikovna politika Republike Slovenije in potrebe uporabnikov. *Slavia Centralis* 11/2, 7–15.

Janja HOJNIK, 2018: Nacionalni jeziki v EU: med pravno zavarovano vrednoto in oviro za delovanje enotnega trga. *Slavia Centralis* 11/2, 16–32.

Magdalena STECIAG, 2019: «What is the best language for Eastern Europe?» Lingua receptiva as a new approach in Slavic intercommunication research. *Slavia Centralis* 12/2, 85–95.

SPREJEM STATUSA UKRAJINSKEGA JEZIKA V RUSKI LINGVISTIKI: MIT IN REALNOST

21. stoletje kaže napredek v znanosti, obenem pa tudi obratne procese, npr. nastanek tako imenovane kvaziznanosti oz. lažnega jezikoslovja. Postulati »ljubiteljske lingvistike« so objavljeni na spletu, po drugi strani pa psevdoznanstvena dognanja postajajo gradivo učbenikov 21. stoletja, kar je nesprijemljivo in zaskrbljujoče. V študijah nekaterih sodobnih ruskih jezikoslovcev je izraženo stališče, ki zanika obstoj ukrajinskega jezika kot neodvisnega jezika vzhodnoslovanske skupine. Po njihovem mnenju se vzhodnoslovanska skupina jezikov nanaša izključno na ruski jezik s štirimi narečji (velikoruskim, beloruskim, rdečeruskim in maloruskim), pri čemer ukrajinski jezik v skladu s predstavljenim konceptom nima statusa neodvisnega jezika. Pri izjavi, da je ukrajinski jezik le narečje ruskega jezika, zlasti A. Kamchatnov in N. Nikolina nista izhajala iz jezikovnih kriterijev, ampak sta za modeliranje teorije psevdorejzikov uporabila izključno politične kriterije.

Avtorica prispevka izpostavlja problematičnost razlage statusa ukrajinskega jezika, ki sta ga v sodobnem učbeniku o ruskem jeziku predstavila A. Kamchatnov in N. Nikolina. Njuno razlago primerja z ugotovitvami klasikov ruskega jezikoslovja, vključno z avtorji učbenikov o lingvistiki, ki so bili objavljeni prej, in tudi s spoznanji sodobnih raziskovalcev tega vprašanja. Ugotovljeno je popolno neskladje pristopov. Strinja se z jezikoslovci, ki so priporočali, naj se jezikovna politika ne zlorablja in meša z zgodovinskim jezikoslovjem, ki temelji izključno na kategoričnih dejstvih primerjalne zgodovinske lingvistike. Pred več kot sto leti so znanstveniki razumno in prepričljivo utemeljili stališče o statusu ukrajinskega jezika kot neodvisnega jezika. Danes, ko nekateri raziskovalci ukrajinski jezik imenujejo »narečje ruskega jezika«, »umetni jezik«, jezik, ki v sodobni Ukrajini ne deluje, in »lažni domači jezik«, zasledimo grozljiva dejstva politične nekorektnosti, ki ponazarjajo »terorizem na področju jezikoslovja«. Ukrajinski jezik in dejstva, povezana z njegovim razvojem, je mogoče razlagati kot jezikovno ideologijo. Izpričana je nekakšna »bizarna mešanica jezikoslovja in politike«, ki je prodrla celo v poučno in didaktično literaturo.